

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Куйкин

Мастера сыскного дела

Алексей Куйкин

Мастера сыскного дела

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Куйкин А. В.

Мастера сыскного дела / А. В. Куйкин — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-95758-9

Правоохранительные органы Российской Империи. Основываясь на архивных делах из фондов Государственного архива Смоленской области (ГАСО), я хочу рассказать вам о работе в Смоленске и Смоленской губернии судебных следователей, частных приставов, уездных исправников, сотрудников Смоленского сыскного отделения. Всех тех кто стоял на страже Закона. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-95758-9

© Куйкин А. В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Выстрелы в городском саду Блонье	5
Злой разбойник Сибиряк	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алексей Куйкин

Мастера сыскного дела

Выстрелы в городском саду Блонье

Вечером пятницы 19 ноября 1909 года его высокоблагородие надворный советник Василий Николаевич Ефремов, исполняющий должность судебного следователя по важнейшим делам Смоленского окружного суда, с тяжким вздохом отставил на край большого письменного стола стакан с чаем и раскрыл пухлую папку с документами. Лежавшие поверх других документов два протокола допросов, заставили интеллигентного чиновника Министерства Юстиции, благообразного дородного мужчину слегка за пятьдесят, громко подсердечно выругаться, да такими словами, что впору лишь извозчикам, обретавшимся на Молоховской площади Смоленска. Показания двух молодых сестёр-портних в одночасье развалили дело об убийстве Николая Воронкова, казавшееся Ефремову уже готовым для передачи в суд. Но и эти же показания подвигли Василия Николаевича к новому вдумчивому исследованию и разбору всех фактов. Если дело разваливается, значит именно он, судебный следователь по важнейшим делам, при проведении расследования упустил что-то важное. И он же должен это самое важное найти в материалах уголовного дела. Ещё раз, тяжело вздохнув, Ефремов принялся листать протоколы.

8 сентября 1908 года около девяти часов вечера в городском саду «Блонье» раздались три глухих выстрела. Гуляющие по аллеям и отдыхающие на лавочках обыватели не обратили на них никакого внимания. Один из свидетелей пятидесятидвухлетний преподаватель Смоленской Духовной Семинарии Епифаний Григорьевич Нестеровский, сидевший со своим коллегой Фёдоровым напротив Реального училища, показал, что принял выстрелы за звук детских хлопшек. И только когда возле полянки, обсаженной молодыми ёлочками стали собираться зеваки, господа преподаватели заинтересовались случившимся. Кто-то, проходящий по аллее, разглядел на лужайке лежащего человека и бегом отправился в первую пожарную часть, откуда по телефону позвонил в полицию. Все находившиеся на тот момент в канцелярии 1-й полицейской части городовые во главе с помощником пристава титулярным советником Юлием Владимировичем Ашенбреннер и старшим городовым Ильёй Давыдовым побежали в городской сад. На небольшой полянке напротив здания Контрольной палаты лежал в луже крови раненый в голову молодой человек. Он был ещё жив и тихо стонал. Городовые перенесли его в ближайшую аптеку, откуда перевязав голову, отправили на извозчике в Губернскую Земскую больницу. Ашенбреннер осмотрев место происшествия, оставил одного из городских охранять вещественные доказательства, вернулся в полицейскую часть.

Утром пришло известие из больницы, что раненый скончался, не приходя в сознание. В 1-ю часть Смоленска доставили его личные вещи и документы. Помощник пристава, разобрав бумаги, на некоторое время впал в ступор, после чего принялся писать рапорт на имя судебного следователя по важнейшим делам. В кармане убитого обнаружилось удостоверение на имя сына священника Николая Семёновича Воронкова, подписанное начальником Губернского Жандармского Управления генерал-майором Громыко. В эту ночь на Блонье застрелили жандармского секретного агента.

Получив материалы дела, следователь Ефремов направил запрос в жандармское управление о службе и делах Воронкова, а сам вместе со следователем по городу Смоленску Брониславом Антоновичем Захаревичем отправился осматривать место преступления. Из протокола: «...лужа запёкшейся крови 4 вершка длины и в три вершка ширины находится на лужку напротив здания Контрольной Палаты в 35 шагах от аллеи, идущей вдоль Контрольной Палаты

и Реального училища, и в 17 шагах от дорожки, идущей наискось от здания Городской Управы к Классической Гимназии».

По указанию городского Давыдова, убитый Воронков был поднят им именно на этом месте. Пальто же цвета моренго с чёрным бархатным воротником лежало у ёлок, находящихся от лужи крови в трёх шагах. У этого места были обломаны как кусты малины, так и сучки ёлок на высоте $\frac{3}{4}$ аршина от земли. Под ними на земле видны два глубоко вдавленных в землю следа от высоких каблуков женских ботинок, размером $4\frac{1}{2}$ сантиметра по верхнему слою земли, находящиеся на расстоянии друг от друга на вершок. С правой стороны от этих следов на расстоянии одного шага была обнаружена пистолетная гильза. С левой стороны от следов найдены крупные лиловые лепестки от цветка, по-видимому, георгина или пиона.

Елки в этом месте густо посажены кружком, молодые, высотой $2\frac{1}{2}$ -3 аршина, по окружности 29 шагов. В кругу ёлок стоит тумба. Место это очень засорено».

Воронков снимал комнату в квартире Брайны Гуревич в доме Жукова на Свирской улице. Следователи удивились отсутствию в комнате каких-либо вещей Николая, но хозяйка квартиры объяснила, что Воронков снимает у неё комнату только с 22 августа. До этого он жил на квартире Павловой в Козловском переулке. Съезжая к Гуревичам, бывший семинарист не смог заплатить за жильё, и поэтому оставил на квартире в залог свои вещи и книги. Рассказала Брайна и о вечере 8 сентября. Около 17 часов к Воронкову пришёл в гости незнакомый ей молодой человек. Невысокого роста, русоволосый, одет в чёрный пиджак, черные брюки в сапоги и черный картуз. В руках держал суковатую палку. Гость пробыл у Воронкова до восьми часов вечера, как раз до того времени как с работы вернулись старшие сыновья Гуревич. Уходя, как он сказал по делам, Николай попросил у Бориса Гуревича его пальто, так как на улице было прохладно, а у Воронкова кроме семинаристской тужурки верхней одежды не было. Братья Гуревичи подтвердили слова матери. Они продают газеты и книги в киосках, после работы непроданную прессу сдают в контору «Посредник» от лица которой работают. 8 сентября братья вернулись домой на Свирскую улицу около восьми часов вечера и после ухода Воронкова весь вечер были дома.

Гостя Николая Воронкова в доме Жукова видел также и рядовой Софийского пехотного полка Стюгаев. Денщик квартировавшего в другой части дома подпоручика Ранчинского заметил молодого человека в чёрном, стоявшего у окна Воронкова. Они о чём-то громко говорили, но солдат расслышал лишь фразу хозяина комнаты «.. два раза был на Блонье, но никого не встретил». Через некоторое время, вышедши во двор, Стюгаев видел лишь два стакана чая, стоявших на подоконнике комнаты Воронкова.

В тот же день полиция изыскала вещи Воронкова на квартире Павловой в Козловском переулке. Среди вещей оказались:

Две книги сельскохозяйственного обзора Смоленской губернии за 1903 и 1904 годы, программы и правила мужских гимназий и прогимназий. На этих книгах чернилами написано «Константин Зборовский»

Черновик донесения от жителей города Ельни товарищу Обер-Прокурора Святейшего Синода о неблагонадёжности правления Смоленской Духовной Семинарии ректора архимандрита Досифея Виноградского, Самецкого и Преображенского. Донесение подписано жителем города Ельни и вместо фамилии стоит именной штампель Николая Воронкова «Н.В.»

Черновик письма Начальнику Жандармского Управления, в коем Воронков излагает свои агентурные действия, жалуется на недостаточность денежного содержания в 15 рублей в месяц, пишет что принуждён искать побочных занятий и отказаться от агентуры, завершивши до конца дело со Смоленской организацией

Письмо Николая Воронкова к некому Андрею Ивановичу о том, что Воронков уезжает в Гжатск и Брянск, за квартиру уплатив сполна за месяц

Черновик письма Николая Воронкова к отцу, где он укоряет за отказ в денежном пособии, обещается позаботиться об определении отца и псаломщика в монастырь, только съездит в Санкт-Петербург для переговоров с Митрополитом и товарищем Обер-Прокурора Святейшего Синода

Открытое письмо Воронкова к Борису Гуревичу в Солдатскую Слободу 3-я линия дом Волоткевича: «Боря довожу до твоего сведения что завтра я еду в Рославль. Приди ко мне. Николай» и поставлен штемпель Николая Воронкова. На этом письме почтового штемпеля нет

Письмо со штемпелем Николая Воронкова к Василию Кузьмичу Ефремову: «Друг и товарищ Вася иди на Блонье. Я там со всеми». Подписи нет

Картонка для визитной карточки со штемпелем Николая Воронкова. На ней карандашом написано: «Прошу Вас на свидание в беседку, где стояли лодки».

Визитная карточка со штемпелем Николая Воронкова. На ней карандашом написано «Казённая питейная лавка № 7, Захарьевская улица, г. М».

Заметка «Все свои слова обратно возьму тогда, когда меня не будет на этом свете. Всё что мною написано так, написано под гнётом тоски и печали. Ни одного слова здесь нет лжи. Вопрос покончить со счетами интимными удастся только при личном свидании, сколько не будет препятствий».

Черновик письма Николая Воронкова по видимому к отцу. В письме он укоряет, что на его письма не присылают ответа, согласиться со всеми требованиями он не желает; осенью приедет проститься, остановиться думает у какого-нибудь мужика.

Черновик донесения о Смоленской Губернской Организации социалистов-революционеров, из коего видно, что основателями этой организации в 1903 году считаются Борис Гуревич с братом, а также их старший товарищ по имени Залмон. Поддержку партия получала от детей купчиков, землевладельцев и прочих. Ораторов организация выписывала из Санкт-Петербурга и Москвы. Главные действия организации были в Бельском, Рославльском и других уездах. Главными поверенными в Бельском уезде у «товарищей» были Василий Захаров крестьянин деревни Леоново Мольнинской волости, Тимофей Волков, бывший депутат Государственной Думы, который подписал Выборгское воззвание, Сеченков, крестьянин Каменецкой волости и Энгельгард, сын помещика Каменецкой волости. Ранее в Смоленск приходили материалы из Центральной организации эсэров, теперь же смоленская организация имеет собственную типографию. Среди членов смоленской организации есть офицеры, инженеры, солдаты, даже чиновники высокого класса такие как г. Турже-Туржанский, духовные лица, рабочие.

Заметка с адресом Соломона Гуревича на которой написано «Узнать где живёт Кузьма Рыжигов. Николай Петрович Карпачев».

Заметка 4-го августа 1908 года: «Отлучился на Покровскую улицу с 1 часу 45 минут до 5 часов 50 минут».

Две записные книжки со штемпелем Николая Воронкова. Записи в них сделаны специальным шрифтом-азбукой. В одной из книг приклеено письмо к Николаю Воронкову семейного характера. В письме отец зовет Николая домой.

Печатное воззвание партии социалисто-революционеров к крестьянам с призывом к вооружённой борьбе.

Печатная программа Партии социалистов-революционеров на 32 страницах.

Ефимов решил обратить пристальное внимание на братьев Гуревичей. Уж очень их много в этом деле. И в социалистической деятельности подозреваются Борис с братом Соломоном, и квартиру Воронкову сдаёт их семья. 14 сентября вызванные вновь на допрос Гуревичи, слово в слово подтвердили свои показания на предмет Воронкова и вечера 8 сентября. Младший брат их, четырнадцатилетний Гутман, который в тот вечер был дома и находился в зале, вспомнил, что Воронков несколько раз в беседе называл своего гостя Яшей. А когда, взяв пальто Бориса, выходил из квартиры произнёс «Пойдём, Цирлин». Допрос проходил в

канцелярии 1-й полицейской части, и околоточный надзиратель Панкратий Кузьмин заявил, что хорошо знает Якова Цирлина и его семью. Следователь Ефимов отправил околоточного на Благовещенскую улицу в дом Павловой, где проживали Цирлины. Якова дома не оказалось. Пятидесятидвухлетний монастырщинский мещанин Лейба Цирлин только разводил руками. Мол, Яша, позавтракав дома, ушёл в город по своим делам. Работает он у слесаря Гусева. Кузьмин просидел на квартире Цирлиных до вечера, но так Якова и не дождался. В семье, однако, не было никакого беспокойства. Яша часто ночует у друзей. Но и на следующий день Яков Цирлин домой не вернулся. Так у следствия появился главный подозреваемый.

Каждый день Кузьмин отправлялся на смоленский вокзал ко времени отправления поездов. Он искал среди отъезжающих Якова Цирлина. Тем временем дело об убийстве Воронкова пополнялось. Протоколы, заключения, свидетельства. Прислал сообщение о Николае и инспектор Смоленской духовной семинарии иеромонах Антоний, в миру Фёдор Васильевич Воронин. Николай Воронков поступил в семинарию в 1906-1907 учебном году. Считался воспитанником до 28 августа 1908 года, когда за третью неявку на переэкзаменовку был отчислен. Несколько раз весной 1908 года Воронков предупреждал инспектора семинарии о возможных нападениях на него, инспектора, семинаристов старших классов. С удивлением прочитал в сообщении следователь о том, что и инспектор семинарии и некоторые её студенты знали, что Николай Воронков служит агентом в жандармском управлении.

Заведующий оружейным магазином Виннер Пётр Иванович Некрасов и оружейный мастер Иван Евдокимов, исследовав пулю и гильзу, найденную на месте преступления, дали заключение, что Воронков был застрелен из пистолета системы «Браунинг». По указанию жандармского управления полицией был задержан мещанин местечка Татарск Мстиславльского уезда Могилёвской губернии Залман Смулевич Каган, тот самый Залман, упоминавшийся в донесении Воронкова и почитавшийся им как организатор смоленского отделения партии социалистов-революционеров. Тут следователей ждало разочарование. Как выяснилось, и это подтвердили коллеги Залмана и его работодатель купец Аграненко, Каган на две недели уезжал в Татарск и Мстиславль, для представления уездному воинскому начальнику. Вернулся в Смоленск Залман только 10 сентября, сопровождая две подводы с токарными изделиями, предназначенными Аграненко. Итак всё снова сходилось на Цирлине. Но чёртов Янкель как сквозь землю провалился.

Полицейские сбились с ног разыскивая подозреваемого в губернском городе. Околоточный Кузьмин, перевернув вверх дном всю Благовещенскую улицу, доложил следователю, что есть сведения о том, что Яков Цирлин скрывается на станции Ярцево у своего родственника кузнеца по прозвищу «Жак». Духовщинскому уездному исправнику было направлено предписание выяснить живёт ли человек с таким прозвищем на станции Ярцево, и если таковой имеется, установить за его квартирой негласное наблюдение. Через неделю из Духовщины доложили, что кузнец Жак на станции работает, но в живёт в квартире совершенно один и гостей у него нет.

Из Монастырщинского полицейского управления пришло известие о запросе Лейбой Зеликовичем Цирлиным выдачи паспорта на имя его сына Янкеля (Якова). Значит Яшка ещё где-то в пределах досягаемости, хоть и собирается куда-то уехать. Полиции было приказано утроить усилия по поиску младшего Цирлина.

Протоколы, протоколы, протоколы. София Сецилиевна Левицкая, девятнадцати лет, рославльская мещанка, иудейского вероисповедания, грамотная, проживает на Соборной улице в доме Подлущкого. «Я продаю газеты на углу Блонье и Пушкинской улицы. 8 сентября закрыла киоск в семь часов вечера. Около восьми или даже в начале девятого, когда сдавала непроданную прессу в конторе «Посредник» там были оба брата Гуревичи. 9 сентября утром к киоску подошла незнакомая мне девушка, блондинка, хорошо одетая и спросила, нет ли в «Смоленском вестнике» сообщения о вчерашнем происшествии в городском саду. Я ответила, что есть.

Барышня купила газету, и как бы невзначай произнесла «Говорят, что это Гудков стрелял»». Следователям пришлось отрабатывать и эту версию.

Епифаний Григорьевич Нестеровский, 55 лет, статский советник, преподаватель Смоленской Духовной семинарии, проживает на Большой Благовещенской улице в доме Волковой. «В 9 вечера 8 сентября мы с моим коллегой Фёдоровым Николаем Михайловичем сидели на скамье напротив Реального училища. Выстрелы были не громкие, и мы приняли их за детские хлопушки. Через некоторое время на аллее появился молодой человек в серой тужурке. Он очень быстро шёл по аллее, после свернул к решётке сада и побежал вдоль неё в сторону здания Городской Думы. Нет, молодой человек, я хоть и стар, но могу отличить серую тужурку от черного пиджака... Среднего роста, фигура вовсе не полная, простоволосый...»

20 сентября 1908 года Смоленский окружной суд удовлетворил прошение следователя по важнейшим делам Ефремова об объявлении Якова Цирлина в розыск. Во все полицейские управления империи разосланы ориентировки, приметы подозреваемого напечатаны в газетах. «Янкель (Яков) Лейбов Цирлин, 20 лет, монастырщинский мещанин. Блондин, выше среднего роста, цвет волос красноватый, лицо немного весноватое. Иногда носит синие выпуклые очки. Одет в чёрную двубортную ученическую тужурку, чёрные брюки, штиблеты со шнурками».

23 сентября из Орши доложили, что человек с приметами Цирлина замечен городовым на улицах города. Пристав 1-й части Смоленска командировал околоточного надзирателя Панкратия Васильевича Кузьмина, знавшего Якова в лицо, в Оршу для опознания. Но и тут пустышка.

«Телеграмма № 248 от 11 октября 1908 года. Смоленск, следователю по важнейшим делам Ефремову. 8 октября на станции Бологое задержан вооружённый револьвером молодой человек. Лет девятнадцати, выше среднего роста без усов и бороды. Одет в черный пиджачный костюм, подпоясан синим поясом, в чёрной круглой шапке с белым верхом. Решительно отказался назвать себя. Ротмистр Шамлевич». Что, не уж то Цирли? Однако задержанный оказался брюнетом с чёрными глазами. Позже выяснилось, что это житель Великого Новгорода, подозреваемый в революционной деятельности.

В феврале 1909 года всё тот же неутомонный околоточный Кузьмин доложил Ефремову, что Лейба Цирлин получает письма из Америки, а по околотку ходят слухи, что в Америку убежал Яшка. Следователь запрашивает в окружном суде разрешение на вскрытие всей корреспонденции приходящей на имя Лейбы Цирлина. И действительно письма из Соединённых Штатов имеют место быть. Вся беда в том, что они на еврейском. Для перевода писем окружным судом был привлечён общественный раввин Авраам Юдович Фридман. За перевод двух писем, пришедших на имя Лейбы Цирлина и задержанных по решению окружного суда в Смоленской почтово-телеграфной конторе, оный Фридман затребовал шесть рублей. Одно из писем оказалось от сестры Лейбы, проживающей нынче в Филадельфии, а вот другое гораздо интереснее. Письмо без подписи начиналось словами

«Здоровья вам дорогие мама и папа...»

Василий Николаевич уверился, что в ближайшее время Цирлина найти не удастся. 10 февраля наконец-то пришло сообщение из Смоленского губернского жандармского управления. Начальник управления генерал-майор Громыко сообщал, что Николай Воронков «... состоял членом в местной группе социалистов-революционеров, в которой также были зарегистрированы: Клавдий Пашин, Илья Пляшкевич, Яков Цирлин, Бенциан Гуревич и Николай Белавенцев. По неизвестным Управлению причинам, Воронков с августа прошлого 1908 года изменил своё отношение к группе и давал сообщения о намечавшихся в группе мероприятиях, хотя и не прерывал с группой партийной связи. На кануне 25 августа Воронков сообщил, что состоялось соглашение между поименованными сочленами устроить собрание на квартире Белавенцева 25 августа во главе с центровиком, прибывшим из Витебска, и ему, Воронкову, поручено охранять оное собрание с улицы. Часов в 9 вечера, Воронков оставив свой пост, дал знать в 1-ю полицейскую часть, где были собраны чины для ликвидации, что

группа в сборе. Когда прибывший отряд оцепил дом, никого в квартире Белавенцева не оказалось, кроме Пашина и самого хозяина квартиры Николая Белавенцева. Очевидно входившие во двор проходили огородами на соседнюю улицу. Такой приём практикуется в организациях революционеров для проверки заподозренного в измене товарища, а потому отлучка Воронкова с поста и последовавший за тем обыск, убедили группу в измене Воронкова, что по уставу карается смертью».

Прочитав сей опус, следователь Ефремов схватился за голову. Господа жандармы, если ж вы знали, что Воронков ещё 25 августа раскрыт эсэрами, то почему не вывели его из организации? Почему было не спасти молодому человеку жизнь? И что это за секретность такая в письме к следователю, состоял, мол, членом группы...изменил своё отношение? У Воронкова в кармане удостоверение от Управления, так бы и писали «внедрён... освещал деятельность». Что как есть, намудрили господа в голубых мундирах, ох намудрили.

В другом сообщении от жандармов была информация об отправке в ссылку в Архангельскую губернию Бенциана (Бориса) Гуревича, осуждённого на 2 года за революционную деятельность.

В начале апреля 1909 года из Могилёвского губернского жандармского управления в Смоленск пришло сообщение. В Могилёве в составе группы социалистов-революционеров задержан Владимир Андреевич Браулинский, по приметам соответствующий объявленному в розыск Янкелю Цирлину. «Браулинский Владимир Андреев, нелегальный, проживающий в Могилёве по поддельному паспорту; партийная кличка «Володя»; член Могилёвского комитета партии социалистов-революционеров Северо-Западной области происходит из Смоленска; в Могилёв прибыл в 1908 году, как профессионал, для усиления деятельности партии; заведывал архивом (библиотекой) комитета и организовал, так называемый «Луполовский кружок рабочих»; собирался нелегально перейти границу, опасаясь за своё прошлое». К рапорту были приложены фотографии Браулинского в трёх ракурсах. Городовой первой части города Смоленска Яков Павлович Картазунов, работодатель Цирлина слесарь Василий Иванович Гусев и жена его Марфа Никитична, хорошо знавшие Янкеля соседи по Благовещенской улице Роза Елисеевна Цигельман, Евдокия Ивановна Скачкова и Роса Исаковна Гуревич уверенно опознали в Браулинском Якова Цирлина. Лейба Зеликович Цирлин, монастырщинский мещанин пятидесяти двух лет, Либэ Самойловна Цирлина, монастырщинская мещанка, пятидесяти двух лет и Вениамин Лейбович Цирлин, семнадцати лет, не смогли уверенно опознать на представленных фото своего сына и брата Янкеля.

Предъявить фото для опознания Ефремов решил и главным свидетелям по делу денщику Стюгаеву и Брайне Гуревич с сыновьями. Однако оказалось, что семья Гуревичей после ареста Бенциана (Бориса) съехала с квартиры на Свирскойц улице. Пожив некоторое время у родственников в 3-й части Смоленска, Брайна уехала в неизвестном направлении. Из штаба Софийского полка пришёл ответ, что рядовой Стюгаев в списках полка не значится. Матеря на чём свет стоит тупорылых полковых писарей, Василий Николаевич запросил в штабе дивизии информацию о том, где находится подпоручик Ранчинский. Выяснилось, что онный обер-офицер поправляет здоровья в имении какого-то доктора в Краснинском уезде. Пришлось Ефремову ехать в Красный. Ранчинский рассказал, что его денщик ещё в конце ноября демобилизовался. Тут выяснилась ещё более интересная информация. Совершенно непонятно почему при допросе денщик назвался Стюгаевы, когда по всем спискам и документам он проходил как Никита Андреевич Чугаинов. В Чердынское уездное полицейское управление Пермской губернии был направлен запрос с приложенными фото Браулинского. Крестьянин деревни Сюльковой Усть-Золинской волости Никита Чугаинов в присутствии полицейских чинов опознал по предъявленным ему фотографиям молодого человека, которого видел 8 сентября 1908 года во дворе дома Жукова на Свирской улице Смоленска.

Следы семьи Гуревичей затерялись в бескрайних просторах Российской империи. Однако и имевшихся показаний было достаточно. Якова Цирлина этапировали из Могилёва в смоленскую тюрьму. На допросах Яшка во всю «включал дурака». Несколько, мол, у меня знакомых Николаев в Смоленске, может и Воронкова знаю. 8 сентября вечером на Блонье не был. На Свирской улице около шести был, не отрицаю. Что там делал? Шёл в гости к знакомым портнихам, сёстрам Левитиным на Богословскую улицу. Соня и Люба Левитины, хиславичские мещанки, проживающие на Богословской улице в доме Чернышёва, показали, что 8 сентября около восьми часов вечера к ним зашёл Яков Цирлин, с которым они отправились на прогулку. Дошли с ним до Большой Благовещенской улицы, где и расстались. Девушки направились в городской сад Блонье, а Яков сказал, что идёт к сестре на Сенную площадь. Хая Лейбовна Бойко, 28 лет, дорогобужская мещанка, грамотная, под судом и следствием не была, подтвердила, что 8 сентября вечером, придя к себе на квартиру из шляпочного магазина Борискиной в дом Зельнина на Сенной площади, нашла в своей квартире гостившего брата Якова Цирлина. Уголовное преследование Якова Цирлина по делу об убийстве Николая Воронкова Смоленский окружной суд прекратил, и Янкеля этапировали обратно в Могилёв, где он был приговорён к ссылке по делу о Могилёвском комитете.

Цирлин никак не мог убить Николая Воронкова. Это следователь Ефремов принял, как состоявшийся доказанный факт. Ну, так и что же у нас есть? Только пальто цвета «моренго» с чёрным бархатным воротником, запачканное кровью и рвотными выделениями убитого. Пальто принадлежит Бенциану (Борису) Гуревичу. Вся семья Гуревичей в один голос утверждала, что пальто попросил сам Воронков по причине прохладной погоды, уходя в начале девятого из квартиры. Стоп, стоп, стоп... А ведь вот вам и нестыковочка. Василий Николаевич полистав дело, нашёл протокол допроса Софьи Левитиной. Ага, вот оно. Быстро одевшись, надворный советник отправился на Вознесенскую улицу. Возле дома Баранова, где находится контора «Посредник» от которой братья Гуревич продавали газеты, Василий Николаевич засёк время по серебряным карманным часам и скорым шагом направился на Свирскую. Весь путь от перекрёстка Вознесенской и Почтамтской улиц до дома Жукова занял у следователя, шедшего достаточно быстрым шагом, так что встречные смотрели на хорошо одетого солидного господина с бородкой с нескрываемым удивлением, почти двадцать пять минут.

В канцелярию окружного суда на Большую Благовещенскую улицу в дом Рачинского Василий Николаевич возвращался уже спокойным шагом, задумчиво разглядывая брусчатку под ногами. Как же умно господа социалисты разыграли с ним всю эту партию. Ах, какой красивый гамбит устроили. Смоленское отделение партии, заподозрив Николая Воронкова в измене, провело проверку, и по её результатам приговорило провокатора к смерти. Собираясь отправлять «опытного товарища» Янкеля Цирлина, кстати, это когда же господа революционеры начинают распропагандировать молодёжь, если к 20 годам Яшка уже опытный подпольщик, на нелегальную работу в Могилёв, именно его и решают предъявить полиции как главного подозреваемого. Цирлин приходит к Воронкову, общается с ним через окно, стараясь, чтобы его заметило как можно больше людей во дворе дома Жукова. Назначает Николаю встречу в городском саду, и уходит к Левитиным, делать себе алиби. Воронков появился на Блонье. На полянке напротив Реального училища смоленские социалисты-революционеры привели приговор в исполнение. Однако случилось непредвиденное. Падающий Воронков запачкал пальто Бориса Гуревича, расстеленное на траве. Его пришлось оставить на месте преступления и быстро придумывать историю о просьбе Николая. Поэтому и не сходятся показания денщика Чугаинова и Брайны Гуревич. Чугаинов видел Цирлина во дворе, а Брайне кровь из носу нужно было уверить следствие, что Янкель заходил в комнату Воронкова. И ведь почти получилось. Цирлин спокойно себе уехал в Могилёв, полиция, высекая искры из брусчатки, ищет его в Смоленске, считая последним кто видел Воронкова живым. Чтобы интерес у следствия не угасал, и внимание его, Ефремова, не обратилось на владельца главной улики, пальто цвета «моренго»,

полиции постоянно подкидывают информацию о Цирлине. То он в Ярцево, то в Орше, а то и вовсе сбежал в Америку. Но никак не могли братья Гуревич, замеченные свидетелями в конторе «Посредник» около восьми часов, оказаться к уходу Воронкова на своей квартире.

Смело можно утверждать, что братья Гуревич, Бенциан и Соломон, были 8 сентября 1908 года в городском саду Блонье на полянке напротив Реального училища, где погиб Воронков. А вот следы женских ботинок неподалёку от выброшенной «Браунингом» гильзы, вполне себе можно привязать к определённой особе. В смоленской группе социал-революционеров женщин жандармами не замечено, а вот в выписке из приговора Киевской судебной палаты по делу Могилёвского комитета фигурирует Лея-Рейза Ошерова Эберлих, двадцати пяти лет, мещанка города Могилёва. И если выяснится, что она Лея покидала Могилёв в августе-начале сентября 1908, то всё становится на свои места. Завтра Василий Николаевич отправится на Никольскую улицу, доложит свои резоны начальнику жандармского управления Громыко, и тот уже по своим каналам будет выяснять, почему солгал на следствии ссыльный Бенциан Гуревич, была ли в Смоленске в 1908 году Лея-Рейза Эберлих, объявлять в розыск семью Гуревич. Василия же Николаевича ждёт любимое кресло-качалка у трещащего огнём камина, тёплый плед и большой бокал шустовского коньяка.

Злой разбойник Сибиряк

Ой, ты гой еси люд смоленской! Потомки крестьян работающих, ремесленников мастеровитых, мещан зажиточных и не очень, купцов тороватых, шляхты гонористой да гостей заезжих да захожалых. Расскажу я вам быль былинную об том, как в далёком 1871 году обосновался в Хохловской волости злой разбойник. Имя своё, при крещении данное, оный тать скрывал, а отзывался на кличку Сибиряк. Собрал он вокруг себя лихих людей, злых да жадных до чужого добра. На быстрых колесницах, резвоногими лошадками запряжённых, разъезжала оная шайка по просторам Смоленского, Краснинского да Ельнинского уездов. И не стало покоя господам помещикам, зажиточным и не очень. Не спасали от лихих грабителей ни крепкие кованые запоры, ни хитроумные замки, ни бдительные сторожа, злыми собаками и не только вооруженные.

Аки Зевс Громовержец с заоблачных вершин горы Олимп бросал в неугодных гремучие перуны, так и смоленский губернатор Александр Григорьевич Лопатин из собственной канцелярии рассылал в полицейские и судебные органы грозные «указивки», в которых требовал «прекратить и впредь не допускать», «отыскать и обезвредить». Больше всего доставалось судебным следователям Смоленского уезда да уездному исправнику Путятю, так как они всегда рядом, так сказать под рукой. А кражи со взломами «наружными да внутренними» тем временем продолжались.

Следователь третьего участка Смоленского уезда титулярный советник Нил Дмитриевич Виноградов 10 января 1872 года, в день преподобного Марка гробокопателя, Феофила и Иоанна Печерских, после очередной взбучки от начальства своего, порешил отправиться в городок Красный. Вдруг какие-нибудь улики о шайке грабителей всплывут в делах о кражах в Краснинском уезде. Грабители оказались опытными и никаких следов на месте преступления не оставляли. Не удовлетворил начальство и задержанный в качестве подозреваемого по делу об ограблении дома Марии Петровны Энгельгардт в сельце Дресне арендатор мельницы в том же имении Степан Моисеевич Лапиков. Задержан он был по тем основаниям, что к дому Энгельгардт можно проехать только по плотине его мельницы. Да и свидетели видели каких-то незнакомых людей на санях, стоявших у дома Лапикова. Степан же на допросах орал, что он и сам есть потерпевший, так как неизвестные, взломав мельницу в ночь ограбления Энгельгардт, украли у него деньги и топор. Начальство же требовало от Виноградова в кратчайшие сроки арестовать и предать суду шайку грабителей, которая вот уже как около года терроризирует Смоленский и окрестные уезды.

Поутру 11 января небольшой возок следователя Виноградова мчит по укатанному снегу Краснинского большака. Укрытый тёплой медвежьей полостью, Нил Дмитриевич наблюдает в небольшое окошко проносящиеся мимо леса и рощи, засыпанные снегом деревушки, высокие маковки церквей, проткнувшие крестами низкие пушистые облака в пасмурном январском небе. Два с лишним часа занимает дорога от губернского города в Красный. В уездном полицейском управлении надзирателя Белошицкого не оказалось, и Виноградов отправился к нему на квартиру. А там за столом, уставленным соленьями и прочими заедками, полицейский надзиратель Краснинского уезда потчует отменным полугаром смоленского уездного исправника Фёдора Никитьевича Путятю.

– Господа, у нас тут ограбление за ограблением, а вы тут водку пьёте в столь ранний час. С какой такой радости, – возмутился Виноградов, пройдя в небольшую залу.

– Именно что с радости, дорогой вы мой Нил Дмитриевич, именно с радости, – Путятю, видимо уже хорошо принявший на грудь, встопорщил густые усы в радостном оскале, – раз уж ты здесь, на вот почитай.

Виноградов взял протянутые листки желтоватой бумаги, развернул их и вчитался. Чем дальше читал следователь, тем более изумлённым становилось его раскрасневшееся с мороза лицо. «Я, смоленский уездный исправник титулярный советник Фёдор Никитин сын Путятю, имею честь доложить полученные сведения о шайке грабителей, возглавляемой беглым ссыльнопоселенцем Беяцким, он же Сибиряк. Оная шайка ответственна за ограбления со взломом многих имений Смоленского, Краснинского и Ельнинского уездов. В ставе шайки...»

– Фёдор Никитич, откуда же такая информация?

– Э нет, своих информаторов я раскрывать не буду, авось ещё не раз пригодятся. Хотел тебе этот рапорт завтра передать, да ты вот он тут. А ещё мне птичка-синичка принесла на хвосте одну фамилию. Шнейдман, краснинский мещанин. Вот я и приехал к Ипполиту Дмитриевичу узнать, не знает ли он такого. А он ведь знает, – Путятю, опрокинув в рот очередную рюмку, весело хлопнул себя по коленке.

– Александр Шнейдман, сиделец Уваровского питейного дома. Тут всего в трёх верстах от Красного, – гостеприимный хозяин вновь наполнил рюмки, – может быть, стоит его навестить, раз уж мы все тут собрались?

На том и порешили. Белошицкий захватил с собой из уездного полицейского управления двух рассыльных, они де намного нужнее будут при обыске, чем солдаты уездной команды внутренней стражи.

Пивший чай Шнейдман, так и застыл со стаканом в руке, когда к нему в кабак ввалились в клубах пара с мороза полицейские чиновники. Быстрее всех сориентировался Путятю, прыгучим барсом кинулся к целовальнику и вырвал у него из рук стакан с чаем.

– Господа, если вы чаю хотите с мороза, так мы сейчас вам стол накроем, – только и смог проговорить офигевший Шнейдман. Путятю, вынув из стакана серебряную ложечку, всучил стакан обратно в руки сидельцу. Вторую ложку он извлёк из стакана его жены. Осмотрев их со всех сторон, только что не обнюхав, исправник подошёл к Виноградову и тихо сказал:

– Это серебро с ограбления Вонлярово. Я очень хорошо помню описание этих ложек. С витой ручкой и цветком на конце.

Виноградов, усевшись за стол, вынул из кожаного саквояжа чернильницу, несколько листов бумаги и роучку с немецким металлическим пером.

– По делу об ограблении имения Марии Петровны Энгельгардт в сельце Дресне, ограблений поместий Вонлярово, Дрюцк и Владимирское я, судебный следователь 3-го участка Смоленского уезда Виноградов, провожу обыск в Уваровском питейном доме Краснинского уезда. Имя, фамилия, лета.

– Александр Петрович Шнейдман, 49 лет, православный, из евреев, краснинский мещанин, неграмотный, под судом и следствием не был.

– Есть ли в вашем питейном доме деньги, драгоценности или другие вещи, добытые незаконным путём? Предлагаю выдать их добровольно, – перо следвателя быстро летало над желтоватым листом бумаги. Вызванные в качестве понятых два уваровских крестьянина, тихонько сидели на скамье у стены. Путятю, скинув шубу, мерил шагами небольшую избу.

– Нет таких вещей. Денег вот, пять рублей, – Шнейдман достал из кармана большой потёртый кожаный бумажник.

– Что ж, начинайте, – рассыльные взялись осматривать печку и полки со штофами и глиняными горлачами, Белашицкий начал ощупывать вещи, повешенные на гвоздях у дверей, Путятю, выйдя в сени, по скрипучей лесенке поднялся на чердак и зашуршал там соломой. Вскоре с крыши раздался его довольный возглас «Ага». Шнейдман спал с лица, жена его Татьяна теребила кончики наброшенного на плечи пестрого платка. Через пару минут на стол перед Виноградовым легли три небольших холщовых свёртка.

– В соломе возле трубы запряваны были, -смоленский исправник, весело скалясь в сторону Шнейдмана, отряхивал с сюртука и панталон приставшие соломинки.

–Вы знаете, что в свёртках, Шнейдман?

–Нет.

–А как же они оказались у вас на чердаке, можете объяснить?

–Нет.

Виноградов придвинул к себе чистый лист.

–Фёдор Никитич, посмотрим, что внутри свёртков. Понятые, подойдите ближе.

«13 десертных ложек, серебряных, 84 пробы, с витыми ручками. 6 столовых ложек той же пробы, серебряное ситечко, большая соусная ложка, старинная серебряная ложка, 15 серебряных чайных ложек, щипчики для сахара, серебряная маслёнка, серебряная крышка от пивной кружки. В отдельном свёртке большая серебряная спичечница, вызолоченная, с изображением павлина». Все вещи, что Путятю доставал из свёртков и показывал понятым, Виноградов заносил в протокол. Белашицкий, что-то нащупав за подкладкой одного из кафтанов, висевших у дверей, достал перочинный нож. На стол перед следователем легли три казначейских билета по 25 рублей каждый.

–Ну что же, дорогой ты мой, Александр свет Петрович, после обыска в твоём кабаке, могу я представить начальству закрытыми аж целых три дела, – следователь, отложив в сторону перо, внимательно разглядывал то бледневшего, то красневшего целовальника. Путятю, усевшись за стол напротив Виноградова, весело барабанил ладонями по столу:

–Зазвенит еврейчик Шнейдман кандалами по Владимирке, зазвенит. А следом на тележке и жена его с дочкой отправятся за Урал снег убирать. А снегу-то в Сибири ой как много, – Фёдор Никитич весело улыбался, переводя взгляд со Шнейдмана на Виноградова, – Правильно мыслишь, Нил Дмитриевич. Представляй начальству этого выкреста организатором шайки, да всё семейство вези в тюремный замок.

–Зачем же так, Фёдор Никитич? Думается мне, господин Шнейдман имеет нам что сказать. Например, откуда у него на чердаке такой склад столового серебра. Он нам расскажет всё как на духу, а я его жену с дочкой и не буду привлекать за укрывательство да недоношение. Как Александр Петрович, будешь рассказывать?

И Шнейдман заговорил. Виноградов еле успевал за ним записывать. В начале прошлого семьдесят первого года цыган Егор Плесенков привёз в Уварово незнакомого барина. Сам Егор Васильевич частый гость в кабаке, разъезжая по уездам и торгуя лошадьми, непременно заезжал пропустить рюмку-другую. Барин назвался Михаилом Кирилловичем Крыловичем, помещиком Черниговской губернии Сурожского уезда. Дела у него в имении шли, мол, не очень хорошо. В Смоленскую же губернию Крылович приехал получить наследство от умершей тётки. И предложил Шнейдману разные предметы столового серебра. По сходной надо сказать, цене. Весь прошлый год он барин наезжал в Уваровский питейный дом, иногда по нескольку раз в месяц. В конце лета его начал привозить молодой крестьянин Егор Михайлов, живущий в Лоскино. На вопрос Виноградова, где такое, Путятю ответил, что маленькая, в три двора деревушка по дороге из Хохлово в Пожарское. Егор женат на цыганке. Крылович называл его своим кучером. Промеж себя мужики называли этого барина, Крыловича, Сибиряк. Последний раз появлялись они ещё до Рождества, и предлагал Шнейдману Крылович купить два больших фермуара с красными да зелёными камнями. Да он, Шнейдман, отказался, так как в камнях ничего не понимает. Тут охотничью стойку принял краснинский полицейский надзиратель. Золотые фермуары, один с рубинами, другой с изумрудами, были похищены при ограблении сельца Михайловки у госпожи Вольской.

– Как думаешь, Александр Петрович, а где обретается тот барин?

–Одно время точно в Бублеевщине жил, а сейчас, похоже, в Лоскино, у Егора Михайлова.

–Что ж, господин Шнейдман, помощь следствию это большой, – Виноградов с хрустом потянулся, – однако есть для вас возможность проходить по данному делу не в качестве члена шайки и скупщика краденого, а вовсе как свидетель, открывший нас схрон грабителей.

–Что я должен делать? – в карих глазах выкреста загорелась искра надежды.

–Ипполит Дмитриевич, тот кучер, что вас с рассыльными сюда вёз человек надёжный?

–Вполне, он племянник унтер-офицера Михеева из уездной воинской команды.

– Пошлите за ним, будьте любезны, – следователь вновь повернулся к целовальнику, – сейчас же, с нашим человеком вы, Шнейдман, поедете в Лоскино. Время обеденное, как раз к ночи вернётесь. Если в Лоскино проживает Крылович, что было бы идеально, вы ему объясняете, что в вашем кабаке сидит ваш старый знакомый. Богатый жид из Мстиславля, пусть будет, золотых дел мастер, который очень заинтересовался теми украшениями, что оный барин вам предлагал. Хорошо бы, чтобы Сибиряк поехал с вами, но даже если он получит эту информацию, будет неплохо. Разбойник должен заинтересоваться если не сбытом драгоценностей, то хотя бы богатым евреем.

Иван Васильев, крестьянин соседней с Уварово деревни Воскресенье, увёз Шнейдмана в сторону Хохлова. Полицейские чины остались ждать в кабаке.

Январская ранняя ночь раскинула чёрный бархатный полог над Уварово. В высокое безоблачное небо к тонкому серпику молодой луны потянулись дымки из печных труб. Ни огонька, окна крестьянских изб закрыты по зимнему времени ставнями или соломенными матами. В лесу за деревней завёл свою тоскливую песню волк. Заливистым брёхом ответили ему уваровские псы. Серый, не обращая внимания на лай своих дальних родственников, в незапамятные времена продавшихся человеку за тёплый угол и полную миску, продолжал тянуть гимн луне, созывая стаю на ночную охоту.

Виноградов с Путятю и Белашицким пили чай за столом, когда за стеной заскрипели полозья. В клубах морозного пара в дверях появился Иван Васильев. Один.

–Удрал, паскуда!– Путятю в ярости треснул кулаком по столу.

–Удрал, – тяжело вздохнул Иван, – я в Жорновке оглянулся, а его на санях уже нет. Видно, соскочил где-то, да я не заметил. В Лоскино зашли мы в один дом, там за столом чай пили три человека. Барин с лысиной в бороде с густыми бакенбардами, мужик молодой, русоволосый да здоровенный лоб, весь чёрный. Бородища чёрная лопатой, волосы длинные кучерявятся, глазами чёрными так и зыркает зло. А пьют то ли чай с ромом, то ли ром с чаем. По полстакана рома наливают. А прислуживает им за столом очень красивая молодая цыганка. Шнейдмана за стол посадили, и меня чаем угостили. Он, Шнейдман, всё как вы велели обсказал, про богатого еврея. Да барин тот только рукой махнул, мол, не до того сейчас, с Тимохой дела решаем. Заеду как-нибудь на днях, посмотрю, что за еврей. Шнейдман посидел недолго, да и мы уехали.

–Нил Дмитриевич, едем в Лоскино, там и арестуем их всех, – Путятю вскочил с лавки и нервно заходил по кабаку.

–А если при обыске ничего не найдём? Даже если этот Крылович и есть беглый Беляцкий, как мы его привяжем к грабёжам? Нет, Фёдор Никитич, он нам нужен здесь, с уликами на руках, чтобы уж не отвертелся.

–Отправляйся Иван домой, тебе же тут не далеко, – сказал Виноградов, – отсыпайся и завтра чуть свет приезжай сюда. Снова в Лоскино поедешь.

Иван Васильев вышел из питейного дома, а Путятю и Белошицкий удивлённо глядели на следователя.

– Она вот поедет к Сибиряку, – Виноградов указал на притулившуюся в уголке Татьяну Шнейдман. Далеко за полночь закончился инструктаж. Надлежало Татьяне в Лоскино устроить настоящий скандал, куда, дескать, мужа подевали? У него было сто рублей с собой, а домой так и не вернулся. А деньги нужны для продления патента. И так невзначай обмолвиться, что еврей этот заезжий всю душу вымотал, где барин с драгоценностями, где барин с драгоценностями.

На следующий день Иван Васильев и Татьяна Шнейдман вернулись в Уварово около двух часов пополудни. Жена уваровского сидельца рассказала, что всё у неё получилось в лучшем виде. Крылович сказал, что заедет в кабак сегодня ночью, всё равно ехать нужно в Палкино

и Хильтичи на грабёж. Сюда же в Уварово к вечеру должен приехать и Егор Васильевич Плесенков, который сегодня с женой в Красном.

– Ипполит Дмитриевич, поезжай в Красный да пришли мне сюда десятка два солдат уездной команды. А сам найди Плесенкова и под замок его. А мы уж с господином Путятю здесь шайку встретим. На разбой они все, глядишь, поедут, – Виноградов довольно потирал руки.

К ночи в Уварово всё было готово для встречи «дорогих гостей». Часть солдат, со следователем Виноградовым, спряталась в дровяном сарае у кабака, а часть, вместе с исправником Путятю, ждала бандитов небольшой рощице, через дорогу от питейного дома. В кабаке остались только Татьяна Шнейдман да всё тот же Иван Васильев. Молодому крестьянину было приказано после того как Сибиряк с подельниками войдёт в кабак, выйти под любым предлогом и отогнать разбойничьи сани подальше. Вязкой еловой смолой тянулось время ожидания. Нет ничего хуже, чем ждать. Но, чу, в тусклом свете нарождающейся луны на дороге со стороны Воскресенья показался целый караван саней. Две упряжки остановились на небольшой горке возле кладбища, одна подъехал к кабаку. Путятю, прижавшись к берёзе, следил за вновь прибывшими. Кучер привязал коня и оба двое вошли в питейный дом. Буквально через минуту появился Иван Васильев и взялся отвязывать лошадь. Не успел он отъехать от питейного дома, как вышедшая Татьяна Шнейдман уже накладывала на дверь тяжёлый кованый засов. Птичка в клетке. Фёдор Никитич вывел солдат из рощи и велел окружать дом. Тут со стороны кладбища раздались выстрелы. Васильев не зная об оставшихся разбойниках погнал сани к Уварово, и бандиты, решив, видимо, что кто-то угнал их упряжку от кабака, принялись стрелять.

Со звоном разбилось одно из окон питейного дома. Высунувшийся человек, увидав окруживших кабак солдат, что есть мочи заорал своим подельникам, чтобы те шли поджигать Уварово, и несколько раз выстрелил. Краснинской уездной воинской команде был дан строгий приказ не стрелять и брать разбойников живыми. Солдаты без единого выстрела подходили к кабаку. И вновь у них над головами засвистели пули. Бандиты, что стояли у кладбища решили поддержать своих. Абрам Новиков, рассыльный Краснинского полицейского управления, повёл пятерых солдат по дороге в сторону кладбища, стреляя на ходу. Как позже утверждал полицейский, выстрелом из своего штуцера он ранил одного из бандитов в правую руку. Неизвестные почли за лучшее ретироваться, и, развернув сани, скрылись в ночи. А в кабаке продолжали буйствовать запертые. В окно летели скамьи, стеклянные штофы, глиняные горлачи да крынки, слышенибыл громкий треск разбиваемой внутри мебели.

– Сдавайся, Сибиряк, – Путятю осторожно подкрался к разбитому окну, – или спалю кабак к чёртовой матери вместе с вами.

Через некоторое время грохот прекратился и раздался негромкий голос:

–Входите.

Сняв запор, солдаты и полицейские вломились в разгромленный кабак. За столом, на единственной уцелевшей лавке, сидел хорошо одетый бородатый господин. На печке, прижавшись к трубе, свернулся калачиком молодой крестьянин, испуганно смотревший на полицейских. Крестьянин назвался Егором Михайловым из Лоскино Хохловской волости. Двадцати шести лет, православный, мастерства не знает, под судом и следствием не был. Жена, мол, послала в Красный за покупками. А на дороге возле Угримова встретился вот этот барин, который попросил довести его до Уваровского питейного дома. Как целовальница заперла двери, барин взялся буянить, словно совсем с ума сошёл, пришлось от греха подальше забраться на печь. Господин назвался Михаилом Кирилловичем Крыловичем, помещиком Черниговской губернии, на другие же вопросы отвечать отказался. Пока шёл предварительный допрос, солдаты, сделав факелы, осматривали снег вокруг избы, отыскивая разные вещи, выброшенные в окно пойманными грабителями. Путятю и рассыльные из красного ещё раз перетрясли все внутренности питейного дома. На стол перед Виноградовым одна за другой складывались улики. Золотые запонки с красными камнями, золотая галстучная булавка с бриллиантовой

головкой, сердоликовые запонки. За печкой смоленский уездный исправник отыскал два обитых зелёным бархатом футляра. В них оказались фермуары с изумрудами и рубинами.

Вернувшийся к кабаку Иван Васильев выложил перед следователем воровской арсенал, лежавший в санях Егора Михайлова. Заряженный двустольный пистолет, топор на длинной рукоятке и железный воровской инструмент, типа шкворня, загнутый крюком с одного конца, а с другого расплющенный. Лоскинский крестьянин сбледал с лица. Задержанных отправили под охраной солдат в Крансинский тюремный замок. Белошицкому Виноградов просил передать, что через пару дней прийдёт за Сибиряком и его поделщиками усиленный конвой из Смоленска. Следователь и исправник с уликами уехали в губернский город, у них назавтра было ещё много работы.

На следующее утро следователь Виноградов, взяв в качестве понятых хохловского волостного старшину Карпа Фирсова и волостного писаря Ивана Чернышёва, приехал с обыском в деревню Лоскино. В доме Анофрия Филиппова, где жил Егор Михайлов с женой Антониной, в поясе ситцевой гопки были обнаружены зашитые 125 рублей, казначейскими билетами по 25 рублей. В бане, где предположительно жил Сибиряк-Крылович, найдены многие предметы одежды и указ об отставке на имя подпоручика Григория Гавриловича Галчуна. Антонина Михайлова была арестована. В это же время Путятю со своим полицейскими переворачивал вверх дном избу Егора Плесенкова в Бублеевщине. Сыновья Егора Васильевича Семён и Аверьян скрылись, но под полом обнаружена была шкатулка, наполовину заполненная сердоликом и изумрудами. Хохловскому волостному старшине следовать приказал составить со слов соседей описание бежавших из деревни Церковищ цыган Кирея и Нила Михайловых, по сведениям Путятю так же принимавших участие в грабежах. Исчезли и другие члены шайки Сибиряка, крестьянин деревни Котово Семён Игнатьевич Прокуда, беглый ссыльный, и, проживающий около Гнёздово или Ракитни, Тимофей Семёнов. По-видимому, они принимали участие в перестрелке возле Уварово.

В Краснинском тюремном замке Крылович в первую же ночь попытался подкупить надзирателя. Тот доложил по команде, и смотритель Николай Касперович Москвич, проведя обыск в камере, отобрал у заключённого 16 рублей. Деньги имели крайне мятый вид и пахли человеческими испражнениями. Там же у тюрьмы в Красном был задержан младший сын Плесенкова Аверьян. Он заявился к смотрителю узнать о своиз родителях. Шапка на Аверьяне оказалась прострелена. А через пару дней Путятю арестовал в Хицовке и старшего сына Плесенкова Семёна, который прятался там у родственников.

В конце января сильный конвой, присланный Виноградовым, доставил в смоленскую тюрьму всех задержанных членов банды Сибиряка, включая и Александра Шнейдмана, арестованного Белошицким в Красном. Сибиряк продолжал утверждать, что он Крылович и никакого отношения к беглому ссыльному Беяцкому не имеет. Виноградов послал запросы в Томск, где отбывал ссылку Беяцкий, и в Могилёвскую губернию, на территории которой в 1867 году он Беяцкий был задержан по подозрению в многочисленных грабежах и нескольких убийствах. Участие в убийствах могилёвские следователи доказать не смогли, и лишённый всех прав состояния бывший дворянин Александр Беяцкий уехал в ссылку. Ответ из Могилёва с описанием примет Беяцкого пришёл достаточно быстро, его там помнили. «...росту выше среднего, волосы тёмно-русые лицо чистое, глаза голубые, большие чёрные бакенбарды. Нос сильно вздёрнутый и придавлена переносица». Могилёвские следователи просили так же переслать фото задержанного, чтобы точно его опознать. Так же из Могилёвского окружного суда прислали адрес человека, который мог опознать разбойника. Тит Афанасьевич Шамовный, арендатор сельца Карпово в Крансинском уезде, в 1867 году, будучи управляющим имением Петровичи Климовичского уезда, самолично задержал Беяцкого после ограбления.

Ответ из Томска шёл очень долго. Выяснилось, что почта Российской империи уже в те года была, что называется почтой России. Томские следователи написали объёмную справку

о ссыльном Беяцком и о тех преступлениях, в которых его подозревают. Однако, отправляя пакет в Смоленск, подписали оный просто «Судебному следователю Смоленского уезда». Через три недели пакет вернулся обратно, имея на себе пометку смоленского почтмейстера «не указана фамилия адресата». Надо сказать, что следователей на весь уезд было всего аж целых три, и надо думать, что пакет рано или поздно нашёл бы нужного адресата. Но суровые смоленские почтари решили по-своему. Пришлось томским чиновникам дописать на пакете «Виноградову».

К тому времени как многострадальное послание из Сибири попало в руки Виноградова, Сибиряк после очной ставки с Шамовным признал, что он и есть Александр Захарович Беяцкий, из дворян, лишённый всех прав состояния томский мещанин, беглый ссыльнопоселенец. Вытребовав у следователя бумагу, Беяцкий описал перипетии своего бегства из Сибири и скитания по бескрайним просторам Российской Империи. На побег подбил его другой ссыльный, с которым его, Беяцкого, водили на ежегодный медицинский осмотр. Осмотр затянулся до позднего вечера, и конвоировавший ссыльных полицейский решил не тащиться через весь Томск, а привёл оных к себе домой. Накормил, напоил, даже по стопке водки налил да спать уложил в сени. Сам же продолжил общение со штофом водки. Тут выяснилось, что пока доктор осматривал Беяцкого, другой ссыльный умудрился украсть документы эскулапа, среди которых имелся и вид на жительство в Санкт-Петербурге. Имея на руках документы можно бежать, уговаривал Беяцкого его сосед. Тот отказался. Ссыльный ушёл в побег, прихватив ещё и револьвер спящего пьяным сном полицейского. Тут Беяцкий решил, что его могут обвинить в недоношении и тоже убёг. Долгое время тащился он по просторам России, питаясь большей частью подаяннем и милостью добрых русских крестьян. Путь держал Беяцкий в Оршу, к родственникам. Долго ли коротко ли оказался наш беглец в уездном городке Красный. Там он встретил давнюю знакомую Татьяну, которая предложила ему пожить у её мужа в питейном доме в Уварово. Месяца три Беяцкий жил в Уварово, пока Шнейдманы пытались сделать ему документы, но ничего не получалось. Заняв у них денег, Сибиряк уехал на поезде в Вязьму. Прожив там пару недель, Беяцкий решил пешком возвратиться в Смоленский уезд.

Читая сей опус, Виноградов только ухмылялся. Вот ведь человек, сколько улик против него, а он всё равно описывая свои похождения, пытается уверить следствие, что в дни ограблений его и в уезде не было. Много чего интересного узнал Нил Дмитриевич и из письма томских следователей. В Томске Беяцкий не сидел сложа руки, а сколотил небольшую шайку из таких же как он ссыльных, и принялся за старое. Много в чём оную шайку подозревали. Но даже Виноградов, изучая бумаги из Сибири, понимал, что некоторые дела вешают на Беяцкого совершенно напрасно. За каким бесом ссыльным грабить маслобойню Андреева в Томске, да и куда б они дели семь пудов украденного конопляного масла, четыре пуда масла чухонского да пять мешков конопляного семени. Ведь в шайке было всего трое, по утверждению томской полиции. Сам Беяцкий, Иван Иванович Терлецкий и Митрофан Дмитриевич Дорошенко. Но вот на обстоятельства побега Беяцкого из Томска присланные бумаги проливали свет. Девятого декабря 1870 года из солдатской слесарни пропали дровни, принадлежавшие крестьянину из ссыльных Михаилу Ильичу Медведеву. В ту же ночь была ограблена лавка купца Королёва. Вынесено серебряных и золотых вещей на астрономическую по тем временам сумму в три с половиной тысячи рублей. Дровни через год сам Медведев заметил на дворе солдатки Синютиной. При обыске в её доме обнаружили также посуда и некоторые вещи с ограблений потомственной почётной гражданки Поповой и купеческой вдовы Дарьи Наумовой. На допросе Синютина показала, что была сожительницей Беяцкого. Именно она увезла Беяцкого и какого-то его гостя, приехавшего из-за Урала, из Томска.

Вот теперь Виноградову стало понятно, как Беяцкий столь быстро умудрился оказаться в Смоленской губернии и уже в начале 1871 года взялся наводить ужас на помещиков. Сообщник привёз в Томск документы подпоручика Галчуна, и ссыльный, имея подлинные бумаги и

деньги, вырученные за украденные у купца Королёва вещи, мог спокойно ехать по стране, не опасаясь быть задержанным за беспаспортность. Теперь смоленскому следователю нужно было выяснить, как бумаги Галчуна попали к преступникам. Штабс-капитан Смоленского губернского батальона Григорий Гаврилович Галчун на допросе объяснил Виноградову, что указа о своей отставке он и в руках никогда не держал. В конце 1867 года подпоручик Галчун служил в 4-ом резервном батальоне Полоцкого пехотного полка. Получив известие о смерти своего отца, Григорий Гаврилович подал рапорт об отставке. Командир полка полковник Нильсон отпустил офицера домой в Рославльский уезд, обещав переслать указ об отставке в Рославльский уездный суд. Около полугода Галчун решал вопросы с наследством и другие насущные дела, но в суд его так и не вызвали. По выправлению всех бумаг об имуществе, Григорий вновь поступил на военную службу, так что указ ему стал и вовсе не нужен.

Виноградов шлёт запросы в Военное министерство, в Полоцкий полк и в Рославльский уездный суд, но отовсюду получает лишь отписки. Не знаем, не записано, не зарегистрировано. В уездном суде в книгах получения корреспонденции нет даже записи о получении того указа. Следователю ясно, что подельник Беяцкого где-то тут, в Рославле, рядом с судом, но как его отыскать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.